

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-10-59-73

Оригинальная исследовательская статья

Original research paper

«Феноменология духа» Гегеля: стилистический и терминологический анализ

Т.Г. Румянцева

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Аннотация

В 2020 году международное философское сообщество отмечает 250-летие со дня рождения Г.В.Ф. Гегеля. Этот юбилей предоставляет великолепную возможность еще раз обратиться к знаковым текстам великого немецкого философа, среди которых, несомненно, особое место принадлежит «Феноменологии духа». Будучи первой из крупных работ Гегеля и в то же самое время первой и единственной частью раннего варианта его системы абсолютного идеализма, эта книга, во многом благодаря усилиям французских неогегельянцев, приобрела статус одного из самых известных произведений в мировой философской литературе. Одновременно «Феноменология духа» по праву считается одним из сложнейших философских текстов, который не перестает привлекать к себе внимание, в том числе, и хитросплетениями своего стиля. Будучи названной К. Марксом «истинным истоком и тайной гегелевской философии», данная работа кроме прочих многочисленных «тайн» и «загадок» скрывает и тайну, связанную с терминологическими и стилистическими особенностями ее написания. Отмечая серьезные затруднения, возникающие при чтении «Феноменологии духа», автор статьи показывает, что Гегель писал ее, разрабатывая новый философский язык, создавая целый арсенал оригинальных языковых новшеств, используя в том числе онемеченные латинские и греческие термины. Наряду с латинской терминологией Спинозы он заимствовал некоторые понятия и у своих соотечественников – Вольфа, Канта, Фихте и др., намеренно противопоставляя их терминологии этих же авторов. В статье также показано, что, будучи крайне сложным как в стилистически-языковом, так и в структурном плане философским произведением, «Феноменология духа» Гегеля оказала огромное воздействие на развитие интеллектуальной культуры XX века, причем не только в содержательном плане. Сам ее язык во многом способствовал формированию специальной философской

терминологии, предвосхитив ряд существенных изменений в строе и облике философского текста.

Ключевые слова: история философии, немецкая классическая философия, стилистика философского текста, философская терминология, интеллектуальная культура, Г.Г. Шпет, Ж. Д’Онт.

Румянцева Татьяна Герардовна – доктор философских наук, профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

t.rumyan30@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-5893-9852>

Для цитирования: Румянцева Т.Г. «Феноменология духа» Гегеля: стилистический и терминологический анализ // Философские науки, 2020. Т. 63. № 10. С. 59–73. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-10-59-73

Hegel’s *The Phenomenology of Spirit*: Stylistic and Terminological Analysis

T.G. Rumyantseva

Belarusian State University, Minsk, Belarus

Abstract

In 2020 the international philosophical community celebrates the 250th anniversary of the birth of G.W.F. Hegel. This anniversary provides an excellent opportunity to once again reconsider to the iconic works of the great German philosopher, among them, special attention should be paid to *The Phenomenology of the Spirit*, which is universally considered as one of the most famous works of world philosophical literature. Being the first of Hegel’s major works and, at the same time, the first and only part of the early version of his system of absolute idealism, this book, largely due to the efforts of the French Neo-Hegelians, acquired the status of one of the most famous philosophical works. Meanwhile, *The Phenomenology of the Spirit* is rightfully considered one of the most complex philosophical texts, which does not cease to attract attention, including due to the intricacies of its style. Being called by K. Marx “the true point of origin and the secret of the Hegelian philosophy,” this work, among other numerous “secrets” and “mysteries,” undoubtedly hides the mystery associated with the terminological and stylistic features of Hegel’s writing. Noting the serious difficulties encountered in reading *The Phenomenology of the Spirit*, the author of the article shows that Hegel wrote it, developing a new philosophical language, creating a range of linguistic innovations, also using Germanized Latin and Greek terms. Along with Spinoza’s Latin

terminology, he borrowed some concepts from his compatriots (Wolf, Kant, Fichte and others), deliberately altering their meaning. The article also shows that, being an extremely complex (both in stylistic-linguistic and structural aspects) philosophical work, Hegel's *The Phenomenology of the Spirit* had a huge impact on the development of intellectual culture of the 20th century, and not only due to its conceptions. Its language itself greatly contributed to the formation of special philosophical terminology and anticipated a number of significant changes in the structure and composition of philosophical texts.

Keywords: history of philosophy, German classical philosophy, stylistics of a philosophical text, philosophical terminology, intellectual culture, G.G. Shpet, J. d'Hondt.

Tatsiana G. Rumyantseva – D.Sc.in Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University.

t.rumyan30@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-5893-9852>

For citation: Rumyantseva T.G. (2020) Hegel's *The Phenomenology of Spirit*: Stylistic and Terminological Analysis. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 10, pp. 59–73.

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-10-59-73

Введение

Одним из наиболее известных произведений Гегеля, до сих пор вызывающим многочисленные вопросы и споры, стала его «Феноменология духа» (1807). И если «Энциклопедия философских наук» (1817) является воплощением окончательной версии его системы абсолютного идеализма, включающей логику, философию природы и философию духа, то гегелевская феноменология навсегда осталась первой и единственной частью раннего варианта этой системы, «истинным истоком и тайной» грандиозной философской конструкции Гегеля. Событием как в мировом, так и в русскоязычном гегелеведении, стал выход в свет в 2010 году книги «"Феноменология духа" в контексте современного гегелеведения» под редакцией Н.В. Мотрошиловой. Основанная на докладах, сделанных на конференции в честь 200-летия публикации гегелевского фолианта, работа охватила самый широкий круг проблем, касающихся этого великого произведения немецкого мыслителя. И в XXI веке, спустя два столетия со дня ее выхода в свет, книга не потеряла своей актуальности, продолжая по-прежнему привлекать к себе внимание не только

гегелеведов, но и широкого круга интеллектуалов в самых разных уголках мира, включая Россию и Беларусь. Так, в ноябре 2020-го в рамках V Международной научной конференции, организуемой Институтом философии Национальной академии наук Беларуси, был инициирован круглый стол, посвященный осмыслению гегелевского наследия, в программу которого включен широкий круг вопросов, в том числе и связанных с рецепцией и интерпретацией гегелевской феноменологии в нашей республике. По словам Н.В. Мотрошиловой, «неувядающая актуальность, свежее, современное звучание гегелевского сочинения», которое «на протяжении двух веков неизменно волновало и, несомненно, дальше не перестанет волновать – своими проблемами, решениями, тайнами и загадками – философствующие умы, в каких бы странах и в какие бы эпохи они ни рождались» [Мотрошилова 2010, 3].

В XX столетии гегелевское произведение получило широкое распространение во многом благодаря усилиям французских неогегельянцев – Ж. Валя, А. Койре, Ж. Ипполита и других авторов, которые не только привлекли к ней внимание со стороны виднейших европейских мыслителей, но и фактически придали книге статус философского бестселлера. Среди тех, кто оставил нам блестящие интерпретации «Феноменологии духа», следует упомянуть Н. Гартмана, Э. Блоха, С. Жижека, Д. Лукача, Р. Гароди, Г. Маркузе и др. И все же среди всех имен, так или иначе связанных с этим гегелевским текстом, особое место в XX веке принадлежит Александру Кожеву. Знаменитые лекции, прочитанные им в 1933–1939 годах в Высшей практической школе и вышедшие на их основе многочисленные комментарии, включая «Введение в чтение Гегеля», сделали немецкого философа активным участником интеллектуальных дискуссий по самым актуальным вопросам, поставленным теми десятилетиями.

Книга Гегеля привлекла к себе, однако, огромное внимание еще задолго до А. Кожева; так, в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» К. Маркс заинтересуется ею в контексте анализа процесса трудовой деятельности людей, социальных антагонизмов и т.н. «диалектики господина и раба». Более того, он назовет «Феноменологию духа» «истинным истоком и тайной гегелевской философии» [Маркс 1974, 155]. И как бы ни относились сегодня к фигуре классика марксизма разные авторы, заключенная в этих словах оценка гегелевского произведения остается, на наш взгляд, по-прежнему своего рода «стратегической схемой»,

опираясь на которую, многие исследователи интерпретируют ее и сегодня.

Среди ряда «тайн» и «загадок», которые скрывает эта книга, несомненно, есть и та, что связана с неимоверной сложностью стиля ее написания. Будучи своего рода символом философского трактата как такового, ее текст, несмотря на всю его сложность, оказал тем не менее огромное влияние на формирование философской терминологии и философского языка XX века, включая и русский язык.

Переводы «Феноменологии духа»

Если главная книга И. Канта – «Критика чистого разума» – трижды переводилась на русский язык (М. Владиславлев – 1867, Н. Соколов – 1896–1897, Н. Лосский – 1907), и это не считая многочисленных правок, стилистических редакций и уточнений, которые были сделаны уже в 1960-е, 1980-е и 2000-е годы, то текст Гегеля до сих пор представлен единственным переводом, выполненным Г. Шпетом в середине 1930-х. Ответить на вопрос, почему ситуация оказалась именно таковой, не так просто. Впрочем, стоит упомянуть существовавший в России более ранний перевод «Феноменологии духа», крайне редко используемый даже в профессиональной философской литературе. Этот первый перевод был опубликован в 1913 году и выполнен под редакцией Э.Л. Радлова членами его философского кружка – группой молодых выпускниц-бестужевков: Д. Аменицкой, Н.П. Аникеевой, З.А. Ефимовской, К.М. Милорадович и Н.П. Муретовой. Радлов же был хорошо известным до революции историком философии, филологом и переводчиком. Он стал известен своим переводом на русский язык в 1887 году «Этики» Аристотеля, редактированием сочинений известных западноевропейских философов, а также (совместно с Вл. Соловьевым) философской части «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона».

Будучи представителем феноменологического направления в русской философии, Шпет внес большой вклад в разработку и обоснование идей данной традиции в интеллектуальном пространстве XX века. В центре его философских интересов находились вопросы, связанные с анализом сознания и его смысловых образований в их исторической конкретности, поэтому его не мог не заинтересовать грандиозный проект великого немецкого философа «вновь утвердить философию как высшую форму человеческого

познания, как науку». Более того, идея Гегеля о философии как чистом и свободном от психологизма знании, в значительной мере соответствовала программным установкам феноменологии как таковой. Авторы вводной статьи к русскому изданию гегелевской феноменологии, характеризуя сделанный Шпетом перевод этой книги, писали, что его приходилось делать в такое время, «когда наш язык отлучался от подлинно философской мысли идеологией классовой борьбы и ненависти при помощи так называемой диалектики всеобщего, особенного и единичного, предлагающей легко усваиваемые схемы рассуждения» [Сергеев, Слинин 1992]. В таких условиях то, что сделал русский философ, следует считать «интеллектуальным и гражданским подвигом, заставившим нас через тридцать лет, когда перевод был, наконец, опубликован, не только пересматривать сложившееся понимание гегелевской философии, в значительной мере определенное “Философскими тетрадами” Ленина, но и выяснять, где находится сама наша мысль, если она еще есть в философском измерении, и на каком пути она может себя обнаружить» [Сергеев, Слинин 1992].

Шпет тщательно отредактировал текст раннего гегелевского издания 1907 года, используя его в качестве вспомогательного материала для своей дальнейшей переводческой работы. В рубрике «От переводчика», которую он поместил на последних страницах книги, Шпет отметил, что «детализирующие заголовки параграфов», которые наличествуют в оглавлении работы и которые значительно облегчают пользование текстом, принадлежат не ему, а Георгу Лассену. Сам же он только воспроизвел их в своем переводе. Но учитывая, что они не принадлежат самому Гегелю, он заключил эти заголовки в квадратные скобки [Гегель 1992].

Нельзя не отметить однако, что за последние десятилетия в глобальной сети не раз упоминалось, что некоторые авторы предпринимали различного рода попытки обратиться к переводу этого гегелевского произведения. В то же самое время отмечалось и то, что их инициаторами были лишь отдельные переводчики-энтузиасты, планировавшие осуществить перевод «Феноменологии духа» исключительно для работы в рамках узкого круга единомышленников. Кстати, перевод на русский Шпета и перевод феноменологии на французский язык Ж. Ипполитом, а также лекции и интерпретации основных гегелевских терминов и понятий А. Кожевым, были сделаны почти одновременно и независимо друг от друга [Кожев 2003].

О сложности текста «Феноменологии духа»

Сложность текста «Феноменологии духа» в терминологическом и стилистическом отношении отмечали многие исследователи. Так, уже упоминаемый Э.Л. Радлов отмечал, что для восприятия идейного содержания этого гегелевского труда, помимо эрудиции и проницательности, необходимых читателям всякого философского произведения, требуются еще спокойствие, выносливость и способность трезво оценить свои силы [Радлов 1913]. Согласно Шпету, «Феноменология духа» – это «одно из труднейших, если не самое трудное для понимания произведение философской литературы» [Гегель 1992, 439]. Причем основная трудность и запутанность изложения, как он считал, проистекают из того, что «всякое более высокое формообразование сознания повторяет и включает в качестве моментов диалектические ступени предшествовавших стадий и формообразований, поскольку Гегель старается провести и некоторое повторяющееся единство словесного выражения». Так, автор перевода справедливо отмечает, что такого рода формализм значительно усложняет терминологию текста; будучи вполне ясной и доступной в применении к одной стадии, она превращается в сплошное иносказание, когда с ее помощью описывается уже следующее формообразование сознания. В то же самое время даже специфика используемой Гегелем лексики, наличие в ней весьма небрежных конструкций, стилистически сложных оборотов и сбивающих с толку повторений местоимений, не мешает нам признать язык философа достаточно ярким в стилистическом отношении. Он и в самом деле использует в тексте потрясающие каламбуры, аналогии, противопоставления и параллели, делающие текст не только оригинальным, но и весьма привлекательным. Шпет так и напишет, что этот «тяжеловесный и в то же время выпретенный, архаический по составу и смысловому значению слов (язык. – *Т. Р.*)», вдруг прерывается «метким афоризмом, смелым сочетанием слов и почти публицистической риторикой» [Гегель 1992, 440].

О сложности текста и используемой в нем терминологии писал и М. Хайдеггер, который, кстати, как и его предшественник, с которым он не раз «дискутировал», осуществляя деструкцию классической метафизики, не слишком жаловал латынь. Так, в своем лекционном курсе, посвященном интерпретации «Феноменологии духа» и прочитанном им во Фрайбурге в зимнем семестре 1930/1931 годов, он отмечал, что «подход к этому

произведению не случайно труден. С первого предложения оно... движется на том уровне, который философия достигла на своем пути от Парменида до Гегеля и который все больше упрочивался и разъяснялся Кантом, а затем Фихте и Шеллингом – разъяснялся в том смысле, что он больше не представляет собой какую-то плоскость вне и рядом с делом философии, но принадлежит к ней самой...» [Хайдеггер 2019, 77]. Хайдеггер полагал, что не следует жаловаться на трудности этого произведения, необходимо просто серьезно отнестись к тому, что оно требует, и что как современники, так и потомки Гегеля все еще «не восстали до ее высоты». Хотя многие трудности этой терминологии связаны и с тем, что в «Феноменологии духа» еще «нет *той* прочности, которая потом заявляет себя в «Логике» и позднее находит свое суверенное выражение в «Энциклопедии». Он, в частности, полагал, что эта терминология здесь еще довольно «зыбкая», хотя и связывал это скорее не с «неуверенностью Гегеля, а с самим существом дела» [Хайдеггер 2019, 81]. Отмечу, что Хайдеггер был в значительной мере прав, требуя чрезвычайно осторожно подходить к тому, что касается понимания «Феноменологии», особенно это относилось к использованию тех поясняющих цитат, которые авторы работ о Гегеле брали из позднейших произведений мыслителя, будь то «Наука логики» или «Энциклопедия». Причем на наш взгляд, это в значительной мере касалось именно терминологии книги.

Российская исследовательница М.Ф. Быкова связывает специфику гегелевского стиля с неоднозначностью содержания самого произведения и его композиции. Она, в частности, ссылается на то, что ряд исследователей отмечает некоторые несоответствия и даже противоречия в тексте и оглавлении «Феноменологии», а также определенную структурную непоследовательность в ее композиции [Быкова 2000, 454]. Речь здесь идет и о несоответствии в обозначениях: использовании в названиях параграфов то римских цифр, то букв; существенной разнице в объемах изложении различных разделов и многом другом. Кстати, первую главу своего текста Г. Гегель излагает всего на 16 страницах, а, к примеру, пятую уже на 214 страницах.

Уже упоминаемый автор перевода книги Гегеля на русский язык, отмечая присущие ей значительные *терминологические затруднения*, связывал их с намерением немецкого философа написать ее с использованием по преимуществу онемеченных латинских и греческих терминов. В итоге, наряду с присутствием

в тексте латинской терминологии Спинозы, в нем наличествуют и оригинальные языковые новшества и термины. Заимствуя ряд этих терминов у своих непосредственных предшественников (Вольфа, Канта, Фихте и др.), Гегель однако часто придавал им совсем иной смысл по сравнению с тем, в котором его использовали его соотечественники.

У русских мыслителей XIX столетия можно найти довольно оригинальные высказывания, касающиеся характеристики стиля и терминологии языка немецкой, а точнее, гегелевской философии, который здесь характеризовали как «испорченный язык». В частности, А.И. Герцен, которого трудно причислить к кругу противников или хотя бы недоброжелателей Гегеля, отмечал: «Немецкая наука, и это ее главный недостаток, приучилась к искусственному, тяжелому, схоластическому языку своему именно потому, что она жила в академиях, то есть в монастырях идеализма. Это язык попов науки, язык для *верных*, и никто из оглашенных его не понимал; к нему надобно было иметь ключ как к шифрованным письмам» [Герцен 1947, 217]. Хотя в то же самое время в своих «Дневниках» он постоянно восторгается гегелевским стилем, замечая, что «нет ничего смешнее, что до сих пор немцы, а за ними и всякая всячина, считают Гегеля сухим логиком, костяным диалектиком вроде Вольфа, в то время как каждое его сочинение проникнуто мощной поэзией» [Герцен 1954, 381].

Используя терминологию И. Канта для характеристики «дискурсивной и интуитивной ясности» текста «Феноменологии духа», замечу, что его отличает куда большая прозрачность по сравнению, скажем, с текстом «Науки логики», в котором Гегель постоянно смешивает голые логические формы с крайне смелыми поэтическими образами. Особенно сложным в плане понимания является, на наш взгляд, и текст его «Философии природы» – второй части энциклопедической версии его системы; здесь Гегель постоянно демонстрирует крайне надуманные связи, абстрактные переходы и логические схемы, очень отдаленно напоминающие реальные процессы, происходящие в действительности. Нельзя забывать, что философ противопоставляет текст своей феноменологии как образец экзотерического, то есть общепонятного текста, эзотерической по форме философии тождества Шеллинга. Так, Рудольф Гайм, будучи отнюдь не приверженцем идей своего старшего современника в лице Гегеля, заявлял, тем не менее, что феноменология во многом «носит характер педагогического

произведения» [Гайм 2006, 187]. Учитывая этот момент, философ должен был очень внимательно подходить к стилю своего произведения; реализуя воспитательную функцию, феноменология как бы подставляла отдельному индивиду лестницу, с помощью которой он мог возвыситься до уровня науки. Не случайно Гегель дает в своем тексте множество ярких примеров, часть которых на долгие годы обогатила лексикон европейской философии, являясь и сегодня поистине крылатыми фразами. Это и знаменитая цитата о «дубе с его могучим стволом», вместо которого «нам показывают желудь»; утверждение о том, что «истина не есть отчеканенная монета, которая может быть дана в готовом виде (*gegeben werden*) и в таком же виде спрятана в карман»; или пример с почкой, которая «исчезает, когда распускается цветок»... и когда «при появлении плода цветок признается ложным наличным бытием растения, а в качестве его истины вместо цветка выступает плод»; и другие яркие образы и сравнения, которые можно отыскать и в других разделах текста.

Поэтому можно вполне согласиться с Герценом, который не раз отмечал удивительную поэтичность стиля гегелевских работ. Гегель в действительности стал автором непревзойденных образцов высочайшего профессионального стиля, а оставленные им блестящие фразы и афоризмы достаточно трудно найти у кого-либо из немецких философов, особенно представителей данной традиции. Это вовсе не означает, что книга доступна любому читателю. Ее язык – это не просто профессиональный язык философии; он к тому же и достаточно неравномерен: яркие примеры и хорошо известные исторические сюжеты перемежаются в нем с крайне тяжеловесными абстракциями, длинными, а порой и специально, как кажется, запутанными фразами, в которые приходится вчитываться по несколько раз.

Известно, что сам Гегель сравнил как-то язык кантовской «Критики чистого разума» с «варварским» языком. Полагаю, что философ точно так же не сумел избежать тех сложностей стиля, которые он нашел у своего великого предшественника, что во многом оказалось связано со спецификой той аудитории, на которую ориентировались представители немецкого идеализма XVIII–XIX веков. Вряд ли, создавая свои произведения, они рассчитывали на прочтение и усвоение их массовым читателем. Именно это, по-видимому, и имел в виду Хайдеггер в своих зна-

менитых лекциях по феноменологии, когда акцентировал их специальный философский характер. В то же самое время классики французского постмодернизма Ж. Делез и Ф. Гваттари отмечали насыщенность их крайне абстрактными дедукциями, «архаизмами, неологизмами, пронизанными головокружительными этимологическими изысканиями». Такого рода тексты, отличающиеся «особым языком философии» как по лексике, так и по синтаксису, они справедливо сравнивали с «характерно философским родом атлетизма» [Делез, Гваттари 1998, 17]. Думается, что другой, также очень чувствительный к проблематике языка и также ставший классиком, философ-иронист Р. Рорти, наверняка сделал бы вывод об избыточной сложности стиля их работ из своего тезиса о том, что «Гегель и Кант воспринимали философию во многом слишком серьезно» [Рорти 1996, 10].

Совершенно новый облик Гегеля будет представлен французским философом Жаком Д'Онтом, который в течение долгих лет занимал пост председателя Французского философского общества и был членом правления Гегелевского общества (Hegel-Vereinigung). В опубликованной им в 1998 году книге «Гегель. Биография» он покажет, что и в зрелые годы немецкий философ оставался верен идеалам своей юности, всю жизнь пребывая мыслителем либерального толка. Большое внимание Д'Онт уделяет также особенностям стиля философского письма Гегеля и его терминологии, а также выявлению тех условий, в силу которых тот был вынужден приспосабливаться к политической ситуации тогдашней Германии. Речь, в частности, идет о том, что «он должен был непрестанно сдерживать себя, кое о чем молчать на публике и т.п.» [Д'Онт 2012, 506]. Написанная во многом под влиянием кожевской интерпретации гегелевской «Феноменологии духа», работа Д'Онта получит широкое распространение в европейской мысли. Не могу не упомянуть здесь выдержанное в таком же либеральном духе информационное сообщение XXXIII Международного Гегелевского конгресса (должен был быть проведен в июне 2020 года в Варшаве, но отложен из-за пандемии коронавируса). Предельно кратко его суть можно выразить тезисом о том, что искаженное прочтение Гегеля привело к идеологическому злоупотреблению его философией как одной из опор недемократической системы, что «спустя тридцать лет после политических изменений в Европе пришло время наконец-то исправить идеологически оскорбленный образ Гегеля и сосредоточиться на нем

как мыслителя свободы» [Kloc-Konkołowicz 2020]. При этом было названо имя К. Поппера, усугубившего своей интерпретацией такого рода образ Гегеля.

Возвращаясь к интерпретации Д'Онта, следует отметить, что французский философ был во многом прав, выделяя несколько различных уровней в гегелевском способе выражения мыслей и его т.н. «двойной язык». Речь здесь шла, во-первых, о его доктринальном корпусе, хорошо структурированном и составляющем основу его «философской репутации и популярности», теоретическое содержание, «тот цоколь, на котором прежде всего зиждется гегельянство»; во-вторых, о его аллюзиях, намеках и умолчаниях, рассчитанных на самого искусного читателя, умеющего читать между строк. Д'Онт также утверждает, что, столкнувшись с наиболее темным по смыслу отрывком гегелевского текста, мы должны не только стараться понять этот смысл, но и попытаться найти причину того, «почему автор оставил его темным, не пояснив». Получается, что, будучи хорошо знаком с опытом Фихте (имеется в виду пресловутый «спор об атеизме» и то, как дорого он тому обошелся), Гегель просто опасался показаться мятежником, еретиком или неверующим и потому пытался своим способом выражения мыслей обеспечить согласие между философией и религией, а позднее, и между тиранией и свободой. Именно таким образом Д'Онт объясняет те диссонансы, умолчания и темные места, которые, несомненно, содержатся в гегелевских текстах.

Завершая свои размышления по поводу стиля этих текстов, французский философ аллегорически отвечает на вопрос о том, почему все же Гегель писал свои работы именно в такой манере: «Философия не вещает истину на площадях — у нее не луженая глотка, и к тому же на углу стоит полицейский патруль» [Д'Онт 2010, 436]. Иначе говоря, он был глубоко убежден, что философ не должен прямо высказывать на публику все, что у него на уме, подвергая себя подобным образом опасности. На наш взгляд, такого рода объяснения вполне могли бы быть уместны при анализе политических работ Гегеля, особенно тех, которые писались им в Берлине, когда он исполнял ответственные административные обязанности, но вряд ли их можно беспрекословно принять, когда речь заходит об объяснении сложности стиля его феноменологии. Более того, в интерпретации Д'Онта можно увидеть в том числе и очередную попытку модернизации Гегеля, стремление позиционировать

его исключительно как либерала и, разумеется, использовать такой его облик не только в профессионально-философских целях.

Здесь, по-видимому, скорее был прав Хайдеггер, связывавший язык феноменологии с «тем, что она требует», с реализацией ею тех фундаментальных целей и задач, которые ставит перед собой ее автор. Имеется в виду, что форма произведения, как и везде в настоящей философии, является не дополнением к литературному вкусу, не писательской отделкой и не стилистической одаренностью, но «внутренней необходимостью дела» [Хайдеггер 2019, 82].

Язык гегелевской «Феноменологии духа» не раз становился предметом специального исследования в философии XX века. Большая часть такого рода работ была выполнена представителями англо-американской аналитической традиции, которые отказались от признания в качестве доминирующей гносеологическую проблематику гегелевского произведения и представили его идеи, скорее, как разновидность лингвистического анализа либо прагматизма. Сам же Гегель выглядел в них весьма односторонне, как по преимуществу выразитель идей философии языка, которого часто сравнивали с одним из инициаторов «лингвистического поворота» в философии – Л. Витгенштейном.

* * *

Отмечу, что, будучи крайне сложным как в структурном, так и в стилистически-языковом плане высокопрофессиональным философским произведением, «Феноменология духа» Гегеля оказала, тем не менее, огромное воздействие на развитие интеллектуальной культуры XX века. Думается, что речь здесь идет не только о его содержательных сюжетах, связанных с удивительной способностью данного текста порождать новые мировоззренческие смыслы, далеко выходящие за пределы той эпохи, когда он был создан. Сам его язык, тщательная работа с понятием, вплоть до создания новых выразительных средств, способных адекватно воплотить замысел новой философии, – все это служит примером того, какую важную роль играют верно выбранные стиль и терминология в деле раскрытия философской истины. В этом плане язык гегелевской феноменологии во многом способствовал формированию специального философского языка, предвосхитив ряд существенных изменений в самом строе и облике философского

текста. По словам Н.В. Мотрошиловой, «судьба “Феноменологии духа” как ярчайшего раннего произведения, волею судеб не сохранившего своего значения в зрелой системе Гегеля и в то же время частично “вписанного” в более поздний проект философии духа, побуждает, как и раньше, к раздумьям и исследованиям» [Мотрошилова 2010, 8].

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Быкова 2000 – *Быкова М.Ф.* «Феноменология духа» как набросок новой концепции субъективности // *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа. – М.: Наука, 2000. С. 454–485.

Гайм 2006 – *Гайм Р.* Гегель и его время. – СПб.: Наука, 2006.

Гегель 1992 – *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа. – СПб.: Наука, 1992.

Герцен 1947 – *Герцен А.И.* Былое и думы. – Л.: Гослитиздат, 1947.

Герцен 1954 – *Герцен А.И.* Собрание сочинений: В 30 томах. Т. 2: Статьи и фельетоны. 1841–1846; Дневник. 1842–1845. – М.: Изд-во АН СССР, 1954.

Делез, Гваттари 1998 – *Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? – СПб.: Алетейя, 1998.

Д’Онт 2012 – *Д’Онт Ж.* Гегель. Биография. – СПб.: Владимир Даль, 2012.

Кожев 2003 – *Кожев А.* Введение в чтение Гегеля. – СПб.: Наука, 2003.

Маркс 1974 – *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения / 2-е изд. Т. 42. – М.: Политиздат, 1974.

Мотрошилова 2010 – *Мотрошилова Н.В.* Предисловие // «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения / под ред Н.В. Мотрошиловой. – М.: Канон+, 2010.

Радлов 1913 – *Радлов Э.Л.* От редактора // *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа. – СПб.: Брокгауз – Ефрон, 1913. С. 3–4.

Рорти 1996 – *Рорти Р.* Ирония, случайность и солидарность. – М.: Русское феноменологическое общество, 1996.

Сергеев, Слинин 1992 – *Сергеев К.А., Слинин А.Я.* «Феноменология духа» Гегеля как наука об опыте сознания // *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа. – СПб.: Наука, 1992. С. V–XLVII.

Хайдеггер 2019 – *Хайдеггер М.* Гегелева «Феноменология духа». – СПб.: Владимир Даль, 2019.

Kloc-Konkołowicz 2020 – *Kloc-Konkołowicz J.* Hegel and Freedom/Hegel und Freiheit. Call for Papers // 33rd International Hegel Congress of the Hegel Society. – URL: <https://hegel2020.uw.edu.pl/call-for-papers>

REFERENCES

Bykova M.F. (2000) *The Phenomenology of the Spirit* as a Sketch of a New Conception of Subjectivity. In: Hegel G.W.F. *The Phenomenology of Spirit* (pp. 454–485). Moscow: Nauka (in Russian).

Deleuze J. & Guattari F. (1998) *What Is Philosophy?* Saint Petersburg: Aletheia (in Russian).

D'Hondt J. (2012) *Hegel. Biography*. Saint Petersburg: Vladimir Dal' (Russian translation).

Haym R. (2006) *Hegel and His Time*. Saint Petersburg: Nauka (Russian translation).

Heidegger M. (2019) *Hegel's The Phenomenology of the Spirit*. Saint Petersburg: Vladimir Dal' (Russian translation).

Hegel G.W.F. (1992) *The Phenomenology of Spirit*. Saint Petersburg: Nauka (Russian translation).

Herzen A.I. (1947) *My Past and Thoughts*. Leningrad: Goslitizdat (in Russian).

Herzen A.I. (1954) *Collected Works in 30 Vols. Vol. 2: Articles and Feuilletons. 1841–1846; Diary. 1842–1845*. Moscow: USSR Academy of Sciences Press (in Russian).

Kloc-Konkolowicz J. (2020) Hegel and Freedom/Hegel und Freiheit. Call for Papers. In: 33rd *International Hegel Congress of the Hegel Society*. Retrieved from <https://hegel2020.uw.edu.pl/call-for-papers>

Kojève A. (2003) *Introduction to the Reading of Hegel*. Saint Petersburg: Nauka (Russian translation).

Marx K. (1974) The Economic and Philosophic Manuscripts of 1844. In: Marx K. & Engels F. *Works* (2nd ed.; Vol. 42). Moscow: Politizdat (Russian translation).

Motroshilova N.V. (2010) Introduction. In: Motroshilova N.V. (Ed.) *Hegel's The Phenomenology of the Spirit in the Context of modern Hegel Studies*. Moscow: Kanon + (in Russian).

Radlov E.L. (1913) Editorial. In: Hegel G.W.F. *The Phenomenology of Spirit* (pp. 3–4). Saint Petersburg: Brockhaus – Efron (in Russian).

Rorty R. (1996) *Contingency, Irony, and Solidarity*. Moscow: Russian Phenomenological Society (Russian translation).

Sergeev K.A. & Slinin Y.A. (1992) Hegel's Phenomenology of Spirit as a Science of the Experience of Consciousness. In: Hegel G.W.F. *The Phenomenology of the Spirit* (pp. V–XLVII). Saint Peterburg: Nauka (in Russian).